

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.31+94(57)

DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-142-157

Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 1

Владимир Владимирович Тишин^{1,2}, Баир Зориктоевич Нанзатов³

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Восточный институт, кафедра филологии Центральной Азии (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

магистрант

 0000-0001-7344-0996. E-mail: [tihiy-511\[at\]mail.ru](mailto:tihiy-511[at]mail.ru)

³ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8012-2515. E-mail: [nanzatov\[at\]yandex.ru](mailto:nanzatov[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Тишин В. В., Нанзатов Б. З., 2023

Аннотация. *Введение.* Основные фонетические характеристики бурятского языка, отличающие его от других языков монгольской группы и отраженные в его диалектах западного и восточного ареала, сформировались, по меньшей мере, во второй половине XVIII в. Начальный период формирования этих специфических характеристик остается недостаточно ясным. В статье предпринимается попытка показать возможность выделения ареальных фонетических особенностей бурятского языка среди локальных групп населения Прибайкалья уже в первой половине XVII в. на материале аутентичных источников. *Цель* исследования — анализ зафиксированной в русскоязычных документах XVII в. этнонимии и ономастики, относящейся к бурятскому населению, на предмет выявления специфических произносительных особенностей, отражающих диалектные различия, характерные для говоров бурятского языка. *Материалы и методы.* Первая часть статьи посвящена рассмотрению дискуссии касательно общей хронологии фонетических изменений, приведших к становлению бурятского языка и выделяющих его среди других языков монгольской группы. Рассмотрены ключевые работы, проанализированы методы и подходы исследователей. *Результаты.* Работа с исследовательской литературой приводит к заключению, что в научной среде отсутствует компромиссное видение нижней хронологической вехи, с которой можно было бы отсчитывать начало формирования отличительных фонетических черт бурятского языка. Одни исследователи считают, что ключевые процессы, способствовавшие кардинальной перестройке бурятского консонантизма, начались в XVII в. и произошли к

началу XVIII в., другие видят их начало позже — по меньшей мере, в конце XVII в., а завершение — в течение XVIII в. *Выводы.* Исследователями, изучавшими историю бурятской фонетики, преимущественно привлекались лингвистические материалы XVIII в., в ограниченной мере использовались данные других источников — русских заимствований в бурятский язык, монгольских заимствований в эвенкийском и якутском языке, хронологическая атрибуция которых все еще требует дальнейших исследований в контексте общей истории фонетики языков-реципиентов, в том числе в привязке к прояснению исторического контекста взаимодействия их исторических носителей с носителями монгольских языков. Отсутствие непосредственных письменных источников не позволяет ожидать прояснения этих вопросов. Поэтому историческая лингвистика сама по себе может выступать в качестве перспективного инструмента для исторических реконструкций.

Ключевые слова: бурятский язык, бурятские диалекты, историческая фонетика, монгольские языки, этнонимика, ономастика

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственных заданий «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации: 121031000241-1) и «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Тишин В. В., Нанзатов Б. З. Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в. (к постановке проблемы). Часть 1 // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 142–157. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-142-157

Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part One

Vladimir V. Tishin^{1, 2}, Bair Z. Nanzatov³

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

² Banzarov Buryat State University, Institute of Oriental Studies, Department of Central Asia Philology (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

 0000-0001-7344-0996. E-mail: tihij-511[at]mail.ru

³ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8012-2515. E-mail: nanzatov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Tishin V. V., Nanzatov B. Z., 2023

Abstract. Introduction. It is in the mid-to-late 18th century at latest that the main phonetic characteristics of Buryat that distinguish the latter from other Mongolic languages — reflected in its western and eastern dialects — took shape. The initial period that had witnessed the formation of these specific elements still remains somewhat unclear. The paper analyzes

authentic sources and attempts to show a possibility that the areal phonetic features of Buryat emerged within local population groups of Baikal area as far back as the early-to-mid 17th century. *Goals.* The article analyzes ethnonyms (and other onyms) relating to the Buryat population and recorded in seventeenth-century Russian-language documents to identify spelling (pronunciation) specificities characteristic of Buryat dialects. *Materials and methods.* Part One of the study deals with discussions over some general chronology of phonetic changes that have resulted in the shaping of Buryat, and distinguish the latter from other Mongolic languages. The paper examines major related works, analyzes methods and approaches employed by the researchers. *Results.* Our insights into scholarly publications conclude there is no compromise view on the lower chronological limit that would serve as *terminus a quo* for Buryat phonetic features. According to some researchers, key processes that fundamentally rebuilt the Buryat consonant system had begun in the 17th century and proceeded to completion by the early 18th century, while others insist those had emerged only in the late 17th century to culminate throughout the 18th century. *Conclusions.* Scholars that have dealt with Buryat phonetics tended to focus on eighteenth-century linguistic materials and rarely turned to other sources, such as Russian loanwords in Buryat, Mongolian loanwords in Evenki and Yakut, chronological attributions of the latter be further explored in historical contexts of phonetic systems of recipient languages, with due account for actual circumstances of interaction with native speakers of Mongolic languages. The absence of original written sources shall definitely leave these questions unanswered. So, historical linguistics can independently serve as a promising tool for such historical reconstructions.

Keywords: Buryat language, Buryat dialects, historical phonetics, Mongolic languages, ethnonymy, onomastics

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, projects no. 121031000241-1 ‘Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States’, and no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia, 17th–21st Centuries: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interaction’.

For citation: Tishin V. V., Nanzatov B. Z. Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part One. *Mongolian Studies (Elista)*. 2023; 15(1): 142–157. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-142-157

Введение

Бурятский язык состоит из ряда локальных говоров, имеющих свои производные особенности, различия в лексическом фонде и, менее значительно, в морфологии. Такая картина сформировалась исторически, еще больше в период после XVII в., когда различные монголоязычные коллективы, проживавшие на территории Прибайкалья, были интегрированы в административную систему Российского государства. Существуют разные классификации бурятских говоров (см., например, литературу вопроса: [Бураев 1988a]).

Согласно наиболее традиционной классификации, выделяют восточные говоры, к которым принадлежит хоринский, утвержденный в 1936 г. в качестве литературного языка, западные говоры (очень разнородная группа) и южные говоры. К последней принадлежат сартульский и цонгольский говоры, характерные для групп населения, исторически более тесно связанных с населением Монголии, потому обнаруживающих большую близость к халха-монгольскому языку. В силу этого бурятские говоры восточного и западного ареалов иногда представляют как «традиционные бурятские говоры» — с точки зрения лингвистической идентификации: именно они содержат ряд

фонетических характеристик, выделяющих бурятский язык среди остальных монгольских языков [Будаев 1978: 15, 16–17; Будаев 1992: 26 (примеч. 1), 41–42, 44; и др.].

Общеизвестно, что эти основные отличительные характеристики бурятского языка в более или менее завершенном виде сформировались, по меньшей мере, во второй половине XVIII в.:

- письм.-монг. /si/ > бур. /šV/;
- письм.-монг. /-s/ > бур. /-d/ (в конце слов или основ);
- письм.-монг. /s/ > бур. /h/ (в инициальной или интервокальной позиции);
- письм.-монг. /č/ > бур. /s/ (в позиции не перед /i/);
- письм.-монг. /či/ > бур. /šV/;
- письм.-монг. /j/ > бур. вост., /z/, бур. зап. /j/ (в позиции не перед /i/);
- письм.-монг. /ji/ > бур. /zV/;
- письм.-монг. /q/, /k/ > бур. /χ/;
- письм.-монг. /gi/ > бур. /ji/.

Наиболее яркими отличительными чертами бурятского языка является именно наличие фарингального *h* (< *s) и отсутствие аффрикат /ts/, /dz/ и /č/, /dž/ в позиции перед /i/ (они присутствуют лишь в южных говорах).

Последовательность фонетических процессов, приведших к такой специфике языкового строя бурятского языка, вполне объясняется логикой изменений состава звуков [Рассадин 1982; Бураев 1987]. Сложной остается проблема хронологии этих изменений.

Решение проблемы затруднено объективным недостатком письменных источников. Фактически, буряты¹ начинают полноценно фигурировать в письменных источниках только с начала XVII в., когда в контакт с ними вступают пришедшие в Восточную Сибирь российские служилые люди и казаки. Русскоязычные документы содержат упоминания названий племенных коллективов, имен персоналий, топонимов, отдельных слов. С XVIII в., когда занятая бурятами территория абсолютно переходит под контроль Российского государства, источников становится больше, начиная с экспедиций Д. Г. Мессершмидта и Г. Ф. Миллера, целенаправленно собиравших материал о быте и языке населения Сибири.

Записи из архива Ф. П. Аделунга, относящиеся к концу третьей четверти XVIII в. и содержащие записи неких трех бурятских диалектов, окончательно подтверждают пеструю картину фонетического и лексического разнообразия ареальных говоров [Будаев 1992: 208–216]. С того времени бурятский язык не претерпел существенных фонетических изменений, продолжая значительно пополняться лексикой, в том числе из тибетского и русского языков, распространение и особенности адаптации которой имели ареальный характер. Это наглядно отражено и в так называемых бурятских летописях, известных с XIX в. [Цыдендамбаев 1972: 463–553].

¹ Мы не касаемся здесь вопроса о происхождении и истории этого названия, известного ранее в монгольских источниках. Напомним, что достоверно оно впервые зарегистрировано уже в «Тайной истории монголов» в отношении событий 1207 г. Встречаются его единичные упоминания и в классических памятниках монгольской историографии XVII в.

Если верхняя граница формирования фонетических особенностей бурятского языка более или менее ясна, то тот хронологический пункт, который мог быть принят за условную точку отсчета начала этих перемен совершенно не ясен.

Материалы и методы

Первая часть статьи посвящена дискуссии, касающейся хронологии фонетических изменений, приведших к формированию отличительных характеристик бурятского языка среди других языков монгольской группы. Рассмотрение основной лингвистической литературы, представленной научными монографиями, рецензиями и статьями, позволяет проследить направление научных дебатов, в ходе которых выкристаллизовывались ключевые вопросы исторической лингвистики и прояснялись смежные проблемы, связанные с фондом источникового материала и методикой исследований.

Историческая фонетика бурятского языка: вопросы хронологии

К первой трети XX в. академическое монголоведение имело уже более чем вековую историю. После составления фундаментальных словарей и написания грамматик исследователи могли приступить к сравнительному изучению языков и выявлению общих фонетических закономерностей. В Советском Союзе практическая необходимость вызвала серию диалектологических экспедиций в 1928–1932 гг., значительно обогативших науку знаниями о локальных говорах бурятского языка (тогда официально именовавшегося «бурят-монгольским»).

Этапной работой для монголоведения стала книга Г. Д. Санжеева, представлявшая собой опыт написания сравнительно-исторической грамматики монгольских языков [Санжеев 1953]. Большим влиянием она пользовалась в Советском Союзе, но встретила осторожное отношение в среде зарубежных коллег [Poppe 1955: 6 (note 5); Doerfer 1955: 79–80]. Вышедшая немногим позже работа Н. Н. Поппе имела задачей (как видно уже из ее названия) не сравнительно-историческое исследование, но сравнительно-сопоставительное описание монгольских языков [Poppe 1955].

Г. Д. Санжеев писал: «Трудно сказать, каковы были в деталях особенности „протобурятских“ диалектов XIII–XIV вв. Во всяком случае, к началу XVII в. бурят-монгольские племена уже составляли отдельные от прочих центрально-азиатских монголов этнические группы под общим наименованием „бурят“. Судя по „отпискам“ русских казаков и воевод, в XVII в. бурятские диалекты еще знали согласные **с, ц, ч**, которым теперь соответствуют **h, с, ш**, иначе говоря, тогда между бурятскими и халхаскими диалектами в области фонетики не было еще тех существенных различий, которые имеются теперь. Надо, конечно, предполагать, что бурятские диалекты XVII в., как и теперь, существенно отличались от халхаских диалектов в отношении своего словарного состава» [Санжеев 1953: 9].

Г. Д. Санжеев, таким образом, одним из первых обратил внимание на русскоязычную документацию XVII в. как источник по истории бурятской фонетике и, к тому же, сделал на их основе ответственные выводы.

Другие исследователи после ознакомления с опубликованными русскоязычными документами XVII в. (в основном благодаря сборнику [СДИБ 1960])

вполне приняли соображение, что в этот период среди бурят еще не произошло этапных фонетических изменений $\check{c}$, c ($< \check{c}$), s в $\check{s}$, s , h соответственно [Doerfer 1963a: 506; Doerfer 1965–1966: 434; Kara 1972: 432 ff.; Clark 1979: 20, 25 (note 31); Будаев 1978: 215; Будаев 1992: 47].

Особое значение для истории бурятского языка имеет теория о трех так называемых переломах гласного /i/ (вместо двух у Б. Я. Владимирцова), в связи с которыми происходили существенные изменения в звуковом составе монгольских языков, в том числе связанные с эволюцией аффрикат [Санжеев 1953: 91–114].

Напомним, что суммарно, согласно мысли Г. Д. Санжеева, в истории бурятского языка должны были существовать такие фазы, которые удобно представить в виде таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1. Развитие аффрикат в бурятском языке по Г. Д. Санжееву
[Table 1. Development of affricates in Buryat according to G. D. Sanzheev]

Хронологический период	Развитие шипящих аффрикат		Развитие свистящих аффрикат		Комментарий
VII–X вв.	*tī ~ *ti	čV	*dī ~ *di		одна аффриката
X–XII вв.	či	čV	ji	jV	две аффрикаты
XIII–XIV вв.	tši	tsV	dž	dzV (~ диал. #jV)	четыре аффрикаты
XIV–XV вв.	šV	sV	žV	zV	нет аффрикат

Теория Г. Д. Санжеева, выстраивающая вокруг предположения о существовании трех переломов гласного /i/ логику развития аффрикат из палатализирующихся дентальных, а затем постепенно сменяемых спирантами, была воспринята в научных кругах неоднозначно. Одни исследователи оценили ее как «открытие» [Михайлов 1955: 95], другие отметили спорный характер интерпретации приводимых примеров и противоречия в построении хронологии этих процессов, обобщенно распространяемой на все монгольские языки [Porre 1954: 302–303; Лигети 1955: 139–140; Doerfer 1955] (ответ Г. Д. Санжеева: [Санжеев 1957: 376 (прим. 5), 381 (прим. 18)]).

Как отметил Герхард Дёрфер, такое схематическое обобщение противоречит тому же собственному утверждению Г. Д. Санжеева, основанному на сведениях русскоязычных источников, что в XVII в. в языке бурят еще не произошло этапных изменений $s > h$, $ts > s$, $\check{c} > \check{s}$ [Doerfer 1955: 79]. Отвечая оппоненту, Г. Д. Санжеев [Санжеев 1957: 381 (прим. 18)] ссылается на место в своей работе, где отмечено, что эти процессы, начало которых он датирует XIV–XV вв., могли быть растянуты во времени, продолжаясь до XVI–XVII вв. (см.: [Санжеев 1953: 96]).

Уже тогда обнаружилось два различных методических подхода к установлению хронологии закономерностей фонетических изменений в бурятском языке. Например, Лайош Лигети, осторожно относившийся к преждевременным генерализациям и призывавший к более внимательному изучению конкретных языков, по поводу бурятского писал: «Трудно также представить, чтобы бурятский

язык, равным образом распространенный на окраине Монгольской империи, мог получить свою языковую специфику лишь после XV в.» [Лигети 1955: 139].

Г. Д. Санжеев, исходящий из возможности применения обобщающей хронологической схемы для объяснения частных примеров [Санжеев 1957: 381], настаивал на сравнительно позднем характере отличительных фонетических изменений в бурятском, «не раньше периода появления в халхаских диалектах свистящих аффрикат *з* и *с* и что в еще юаньскую и минскую эпохи все эти диалекты фонетически существенным образом друг от друга не отличались», как и различия между бурятскими диалектами не были значительными [Санжеев 1957: 382].

Новую веху открывает работа польского монголиста Станислава Калужиньского о монгольских заимствованиях в якутском языке [Kałużyński 1961]. С. Калужиньский очерчивал время проникновения монголизмов в якутский язык с XII по начало XVII в., когда российское завоевание завершило возможность тесных контактов [Kałużyński 1961: 119].

Специально останавливается С. Калужиньский на возможности выявления роли бурятского языка в этих заимствованиях, которые преимущественно специфических для него признаков не демонстрируют:

(1) общемонгольский спирант *s* в конце слога или слова в бурятском языке отражается как *d*, но в якутском соответствует *s*;

(2) общемонгольский согласный *g* перед гласным *i* в бурятском переходит в *j*, но в якутском *g* остается без изменений;

(3) общемонгольский гласный *i* в позиции перед слогом, содержащим *i* или *e*, в бурятском языке изменяется в *e*, но в якутском сохраняется [Kałużyński 1961: 123–124].

Среди прочих наблюдений С. Калужиньский остановился на замечании, что в некоторых якутских словах монгольского происхождения в начале слова этимологическим общемонгольским аффрикатам *ǰ*- и *č*- (и соответствующим спирантам в разных монгольских языках), давших в бурятском соответственно *z*- и *s*-, соответствует як. *s*-, что формально указывало на бурятский язык в качестве источника заимствований. Тем не менее исследователь признает, что эти наблюдения встречают трудности в хронологии [Kałużyński 1961: 123–126].

Г. Д. Санжеев в своей рецензии на работу С. Калужиньского остановился на этом вопросе. Отмеченные польским исследователем якутские монголизмы, которые встречаются только в бурятском языке, он в силу именно этой причины назвал «весьма загадочными», допустив, что они сами могли явиться заимствованием в бурятский из якутского. Однако в каком бы направлении эти заимствования не были осуществлены, соответствия в некоторых из них як. *s*- этимологическому общемонгольскому *s* (> бур. *h*) указывают на то, что это произошло до развития в бурятском *s* > *h* [Санжеев 1963: 143]. Г. Д. Санжеев упомянул, что хронология фонетических изменений в монгольских языках достаточно надежно установлена, потому утверждал, что датировать «установление периода проникновения монгольских элементов в якутский язык не представляет большой сложности» [Санжеев 1963: 144].

В рецензии Л. Лигети обращено внимание на проблемы, возникающие в связи с размытой хронологией монгольских заимствований в якутский язык

у С. Калужиньского, что не разъясняет деталей, в том числе, например, причины различного отражения письм.-монг. *č*- как як. *č*- и *s*- (< *š*-), письм.-монг. *ǰ*- как як. *ǰ*- и *s*-: обусловлены ли эти различия хронологически либо связаны с диалектными особенностями источников заимствований [Ligeti 1963: 326–327]. По поводу утверждения С. Калужиньского о влиянии языка бурятского типа Л. Лигети не только указывает на отсутствие каких-либо надежных данных о бурятах до XVII в., но и напоминает о проблеме датировки ключевого явления для бурятского языка: *s* > *h* [Ligeti 1963: 329].

Общему суждению С. Калужиньского по поводу природы якутских монголизмов категорично высказался Г. Дёрфер, подкрепляя свой довод опорой на исторический контекст: «Die Annahme, das Jakutische habe Lehngut aus verschiedenen mo. Dialekten, scheint also unnötig, da die verschiedenen Stadien der jakutischen Wörter einfach verschiedene Stadien von Entlehnungen aus dem Burjatischen widerspiegeln können» 'Предположение о наличии в якутском языке заимствований из разных монгольских диалектов кажется излишним, поскольку разные стадии якутских слов могут отражать разные этапы заимствования из бурятского языка'¹ [Doerfer 1963a: 506–507].

Дьёрдь Кара дискутирует с такой однозначной позицией, высказанной в рецензии Г. Дёрфера, который в своих воззрениях на изменения в бурятской фонетике опирался на некоторые примеры из документов XVII в. и словарь П. С. Палласа. Д. Кара считает, что все монголизмы, даже если среди их источников был какой-то язык, близкий к бурятскому, должны были появиться в якутском языке до XVI в., после чего непосредственные контакты бурят с якутами в силу их отделения друг от друга на большие расстояния не могли быть тесными [Kara 1972: 432]. Д. Кара пытался интерпретировать хронологию монголизмов в якутском языке, исходя из данных словаря И. Э. Фишера (ок. 1730 г.) и записей И. Г. Гмелина (1738 г.), указывающих на уже свершившееся развитие **s* > *h* в бурятском в первой четверти XVIII в. Д. Кара считает, что опора в интерпретации якутских монголизмов на выдвигаемые Г. Д. Санжеевым характеристики «среднебурятского», предполагающие наличие *c*, *č*, *ʒ*, *ǰ* (т. е. [ts], [č], [dz], [dž], аналогично совр. халха-монгольскому), не может быть оправдана, потому что древние слоги *či*, *ǰi* в том состоянии бурятского языка остаются палатальными, при этом после развития общетюркского **ǰ*, **č* > як. *s* монгольские аффрикаты **ǰ*, **č* сохраняются в якутском неизменными [Kara 1972: 433].

Д. Кара, который привлек данные якутского словника Н. Витсена (1692 г.), утверждает, что отражение в як. *su* < монг. *ši*- (< **či*-), как и *ǰi*-, может быть интерпретировано не как свидетельство бурятизмов, а, наоборот, отражать более древний слой заимствований из монгольских языков, не обязательно характеризовавшихся *ši*- < **či*-, и соответствовать периоду, когда тюркские *č*, *ǰ* и соответствующие звуки *č*, *ǰ* в монгольских заимствованиях одинаково закономерно совпали в *č* > *š* > *s*. Он при этом не отверг категорично мнение С. Калужиньского о возможном влиянии на фонетический облик заимствований языка бурятского типа [Kara 1972: 434].

Значение этих дискуссий состоит в том, что в результате них была выведена проблема взаимосвязи важных для истории бурятской фонетики исторических

¹ Перевод авторов статьи.

аспектов, сводящихся к детализации хронологии изменений звукового строя якутского языка, заключающейся:

(1) в выяснении нижнего рубежа отклонений якутского языка от общетюркского ствола, приводящего к проблеме объяснения исторического контекста этого процесса;

(2) в выяснении этапов контактов носителей якутского языка с монголоязычным населением, в том числе на определенной стадии с предками носителей бурятского языка.

Между тем Г. Дёрфер, одновременно с подвергшейся критике рецензией на книгу С. Калужинского, опубликовал еще две рецензии на другие издания, в которых, комментируя только что опубликованные Б. Ринченом материалы по шаманизму (1961), упомянул о зафиксированной в записи шаманской молитвы, содержащей бурятское имя *Fedot* (в форме родительного падежа *Fedōhī*, *Fidōhī*), восходящее к рус. *Feodósij*, что, по мнению исследователя, в совокупности с косвенными сведениями русскоязычных документов о звуковом облике языка бурят свидетельствует о завершении в нем процессов $-s > -h$, $-s > -t$ в довольно короткий срок: не ранее, чем в течение XVII в. [Doerfer 1963б: 430; Doerfer 1965–1966: 434].

Наблюдения С. Калужинского касательно признаков бурятского влияния у монголизмов в якутском языке, где начальному письм.-монг. $\dot{j}$ -, $\dot{č}$ - соответствует якутский s -, развил В. И. Рассадин. Он обратил внимание на то, что этот s - в якутском не мог бы развиваться непосредственно из аффрикат, поэтому промежуточной ступенью мог быть звук, напоминающий бурятский $/z/$ ($*/dz/ < \text{письм.-монг. } \dot{j}/$) [Рассадин 1973: 167–169]. В дальнейшем эти наблюдения были усилены указанием на то, что в сочетаниях як. s - с $/i/$, соответствующим монг. $/i/$, промежуточной ступенью развития начального согласного мог быть также звук, напоминающий $/č/$ или иногда $/š/$, как это отражено в монгольских заимствованиях в тюркских языках Южной Сибири [Рассадин 1980: 79–81, 82].

В настоящее время польский лингвист Марек Стаховский привлек недавно полностью опубликованные записи Г. Ф. Миллера о народах Сибири (1735 г.) и, основываясь в том числе на выявленных там монгольских заимствованиях в якутском языке, установил следующие опорные рубежи для хронологии фонетических процессов в якутском языке:

- (1) развитие $*-aga-$ $> -ā-$: началось не ранее XVII в.;
- (2) сокращение этимологической долготы в финальном слоге: началось не ранее XVII в.;
- (3) стяжение интервокального $/g/$, предшествующее дифтонгизации: произошло в период XVI–XVII вв.;
- (4) дифтонгизация долгих гласных: с середины XVI в. до начала XIX в.;
- (5) развитие губного притяжения и последовательной лабиализации: не позднее середины XVI до конца XVII вв.;
- (6) назализация $g > ŋ$: не позднее середины XVI в. и, по меньшей мере, до середины XVII в.;
- (7) $-č > -s$: вероятно, завершилось до конца XVI в.;
- (8) $k > x$: с XVII по середину XVIII в.;
- (9) прогрессивная ассимиляция $-nč-$ $> -nñ-$: не позже середины XVI в. и, по меньшей мере, до конца XVII в. [Stachowski 2005: 194–203].

Впрочем, примеры, демонстрирующие третий и четвертый пункты, представленные монголизмами, могут получить альтернативное объяснение [Stachowski 2005: 196].

Пока приходится признать, что выработка комплексных критериев для выявления бурятизмов в якутском языке остается затруднительной.

В небольшой статье Ларри Кларка были суммированы и подверглись обсуждению различные источники, из которых можно почерпнуть сведения об этапном развитии бурятской фонетики: записи исследователей XVIII в.; влияние норм письменного языка (зафиксированного у бурят к концу XVII в. Н. Витсенем); исторические сведения о взаимодействиях между собой и во вне коллективов, связанных с диалектными группами бурят; бурятские заимствования в якутском языке; бурятские заимствования в эвенкийском языке; развитие заимствованных книжных монгольских форм в бурятском языке; русские заимствования в бурятском языке [Clark 1979]. Он резюмировал, что основные изменения, по меньшей мере, в бурятских говорах западного ареала, зафиксированы уже к 20-м гг. XVIII в. (записи Д. Г. Мессершмидта, словарь И. Э. Фишера). Видение Л. Кларком последовательности этапов фонетических изменений в бурятском языке и их хронология представлены следующим образом:

- (1) письм.-монг. /-s/ > бур. /-d/ (до XVII в.);
- (2) письм.-монг. /si/ > */ši/ > бур. /ši/ (между 1660 и 1720 гг.);
- (3) письм.-монг. /s/ > */θ/ > бур. /h/ (между 1660 и 1720 гг.);
- (4а) письм.-монг. /č/, /j/ > бур. */ts/, /dz/;
- (4б) бур. */ts/, /dz/ > бур. /s/, /z/ (между 1680 и 1720 гг., после бурятско-цонгольских контактов);
- (5) письм.-монг. /či/, /ji/ > */čV/, /jV/ > бур. /š/, /ž/ (в конце периода 1680–1720 гг.) [Clark 1979: 20].

До того времени, как произошли эти важнейшие изменения, в языковом отношении население Байкальского региона мало отличалось от носителей других монгольских языков [Clark 1979: 21].

Л. Кларк, таким образом, подошел к проблемам истории бурятской фонетики на основе конкретного материала, пытаясь интерпретировать его непосредственно в историческом контексте.

В общем-то, само содержание выводов вполне соответствует видению Г. Д. Санжеева, которое на основе своего анализа исторических известий подтверждает Ц. Б. Будаев. С одной стороны, Ц. Б. Будаев писал, что «в XVII в. бурятский язык имел уже много особенностей, которые отличают его в настоящее время от халха-монгольского» [Будаев 1978: 215], при этом далее он сочувственно цитирует высказывание Г. Д. Санжеева о незначительном расхождении в XVII в. между бурятскими и халха-монгольскими диалектами, от себя добавляя, что «в следующем столетии эти различия резко обозначились» [Будаев 1978: 215]. Позже Ц. Б. Будаев формулировал свое видение таким образом: «До конца XVII в. различия в монгольских диалектах носили слабо выраженный характер» [Будаев 1992: 30], в дальнейшем вновь выражая свое согласие с тем же ключевым утверждением Г. Д. Санжеева [Будаев 1992: 47]. Так или иначе он согласен, что основные процессы, приведшие к формированию бурятского языка, протекали уже в период вхождения бурят в состав Российского государства [Будаев 1978: 215, 218; Будаев 1992: 40].

Иной подход представлен в работах других советских исследователей — В. И. Рассадина и Д. И. Бураева, авторов опорных работ по истории бурятской фонетики [Рассадин 1982; Бураев 1987]. В этих работах на основе привлечения значительного языкового материала, в том числе по отдельным говорам, убедительно обоснована сама логика и последовательность изменений звукового состава бурятского языка (несколько отличающаяся, в частности, от предложенной Л. Кларком, о котором выше). Оба исследователя остаются исключительно в рамках лингвистики, широко привлекая в сравнительном аспекте факты из истории других монгольских языков или даже вовсе алтайских. Между тем они не делают никаких предположений касательно хронологии этих изменений, а в объяснениях природы этих изменений ограничиваются рассуждениями с указаниями на ареальные контакты предков носителей бурятского языка с их окружением — тунгусо-маньчжурским или тюркским, в чьей среде обнаруживается ряд сходных фонетических явлений. Не останавливаясь на пересказе содержания этих работ, приведем такие примеры.

Отличительной чертой ранней стадии бурятского языка В. И. Рассадин считал первостепенное развитие по типу современных ойратского и халха-монгольского свистящих аффрикат /ts/ (< *č/), /dz/ (< *ǰ/), уже затем развившихся соответственно в /s/ и /ž/, /z/, /j/, что произошло уже после изменения /s/ > /h/ [Рассадин 1982: 133, 166]. Этот переход /s/ > /h/, по мнению В. И. Рассадина, особенно в западных говорах, «произошел очень давно» [Рассадин 1982: 79], «произошел и завершился давно» [Рассадин 1982: 160]. Далее, основываясь на материалах XVIII в., он показывает, что этот процесс происходил неравномерно среди разных групп населения, что объясняется фиксацией в записях полевых материалов носителей разных говоров, прежде всего, южных, пришедших из Монголии и принеших свои произносительные особенности.

В. И. Рассадин сам процесс развития /s/ > /h/ склонен (вслед за И. Д. Бураевым) связывать с тунгусским влиянием [Рассадин 1982: 5], однако, признавая, что «хакающая» группа эвенков (северная группа диалектов) расположена слишком далеко на севере, в то время как непосредственно соседствовавшая с бурятами к западу от Байкала южная группа диалектов является по большей части «шекающей» [Рассадин 1982: 171].

Отмеченная В. И. Рассадиным важнейшая тенденция, которая в том или ином виде отразилась в бурятском языке, характеристикой которой является ослабление напряженности артикулирующих органов, с которыми связаны многие процессы звуковых изменений, определяется им как общемонгольская черта. При этом ее особое проявление у бурят (*ǰ/ > /ž/; /č/ > /š/; /dz/ > /s/; /ts/ > s; s > /h/, /d/; /q/, /k/ > /χ/, также зап. /g/ > /j/; *ǰ/ > /j/; -VhV- > -VV-) объясняется возможным влиянием населения соседних тюркских народов Саяно-Алтая и Минусинской котловины [Рассадин 1982: 169].

И. Д. Бураев также отмечает, что многие особенности бурятского звукового строя связаны с взаимодействием с эвенкийским языком [Бураев 1987: 11, 165; Бураев 1988б: 124]¹. Влиянием эвенкийского языка объясняются как

¹ Такая же точка зрения отражена в соответствующем разделе И. Д. Бураева и Л. Д. Шагдарова коллективной работы «Буряты», изданной в рамках серии «Народы и культуры» Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая [Бураев, Шагдаров 2004: 227, 288 и др.].

типологические некоторые характеристики якутского языка, выражающиеся в различных явлениях, характеризующих новации в «интонационно-ритмической специфике», и отразившиеся в замедленности темпа речи [Бураев 1987: 165; Бураев 1988б: 125].

И. Д. Бураев считает, что как носители якутского языка, так и носители бурятского языка обязаны появлением фарингального *h* (< *s*), что в обоих случаях является довольно поздним явлением¹, эвенкийскому населению — такая характеристика отмечена у северо-байкальских эвенков [Бураев 1987: 71–72; Бураев 1988а: 126, 166]. С другой стороны, появление «окающих диалектов», междиалектных соответствий (он называет их «чередованиями») /*j*/ и /*ž*/, гласных смешанного ряда /*æ*/ и /*œ*/ исследователь объясняет как следствие контактов по обе стороны Байкала с тюркским населением, вероятно, остатками ушедших на север якутов [Бураев 1987: 59; Бураев 1988б: 127].

Лингвистика оказывается в сложном положении. Возможность описать и формально обосновать логику фонетических изменений в бурятском языке не может найти убедительного обоснования историческим материалом. Опорными для всех построений являются результаты изысканий А. П. Окладникова, написавшего крупнейший труд по истории западных бурят [Окладников 1937]² и развившего свои выводы в ряде последующих работ (в особенности: [Окладников 1958]).

Вслед за А. П. Окладниковым, интерпретировавшим изученные им археологические памятники Прибайкалья в привязке к известным по письменным источникам историческим сообществам, все последующие авторы неизбежно хотят связать историю как бурят, так и якутов с курыканами, которых впервые упоминают китайские источники в VII в. (и о которых в целом очень мало известно). Выводы А. П. Окладникова отражены и в работах некоторых советских лингвистов, которые пишут о появлении монголоязычных предков бурят в Прибайкалье в XI–XII вв. и с этого рубежа пытаются отсчитывать какие-либо фонетические процессы [Рассадин 1982: 158; Бураев 1987: 9–10; Бураев, Шагдаров 2004: 227]. К сожалению, в силу влияний своего времени эти исследователи фактически сводили в одно целое проблемы этногенеза и глоттогенеза³.

¹ В монографии И. Д. Бураева сказано «X, XI вв. и позже» [Бураев 1987: 71].

² Переиздание этой работы в наше время (мы имеем в виду улан-удэнское издание 2014 г.) свидетельствует не только о сохранении ее научной значимости, но и об отсутствии исследования, способного полноценно заменить ее сегодня.

³ В работе Ц. Б. Цыдендамбаева ярко просматривается недифференцированное понимание лингвистического и этнографического содержания категории «протобуряты», а с ней иных — таких, как «протобурятские племена», «протобурятские роды», «диалекты протобурятских племен» [Цыдендамбаев 1972: 225, 226, 280, 281, 284, 285, 289, 291, 293, 484, 642]. Вслед за ним неразборчиво говорит о «протобурятских диалектах», «протобурятских племенах», «протобурятах» Ц. Б. Будаев [Будаев 1978: 15, 88, 212; Будаев 1992: 10, 26, 28, 38, 118], в одном месте, говоря о «протобурятах», он ссылается на мысли Л. Лигети о раннем выделении особенностей разных монгольских языков [Будаев 1992: 27] (сам Л. Лигети такого слова не употребляет: [Лигети 1955]). В. И. Рассадин неоднократно без кавычек употребляет наименование «протобуряты», «протобурятские племена» [Рассадин 1982: 149, 157–158, 169 и др.]. И. Д. Бураев, когда говорит об ареальном взаимодействии носителей эвенкийских и монгольских языков, пишет о сосуществовании «этносов» [Бураев 1987: 162; Бураев 1988б: 124; Бураев, Шагдаров 2004: 229].

Заключение

Изучение истории языка имеет несомненную важность для понимания истории народа, говорящего на нем; при этом история языка не тождественна истории народа, которая фактически является историей складывания общей идентичности.

Формированию карты бурятских говоров даже в том состоянии, в котором она предстает ко второй половине XVIII в., — уже в составе определенных административных ведомств Российского государства, — в немалой степени способствовали перемещения отдельных коллективов, наподобие тех, которые известны уже в XVII в., когда целые группы населения под давлением российских землепроходцев меняли территории своего поселения как в пределах Прибайкалья, так и, например, уходили в Монголию, впоследствии частично возвращаясь [Будаев 1992: 41].

А. П. Окладников в свое время отмечал важность изучения географии расселения в Прибайкалье различных исторических коллективов для того, чтобы понять историю формирования бурятского народа [Окладников 1937: 271–272]. Письменные источники не позволяют зафиксировать и проследить исторические переселения различных масштабов, имевшие место в ареале Прибайкалья и сопредельных территорий. В связи с этим сама лингвистика может выступать как перспективный инструмент для реконструкции того, что можно было бы условно назвать «историей протобурят» или «протоисторией бурят».

Рассмотрению непосредственно источниковых материалов будет посвящена вторая часть статьи.

Сокращения

бур. вост. — бурятский язык, восточные говоры
 бур. зап. — бурятский язык, западные говоры
 бур. — бурятский язык литературный (хоринский говор)
 письм.-монг. — письменно-монгольский язык
 рус. — русский язык
 як. — якутский язык

Литература

- Будаев 1978 — Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.
- Будаев 1992 — Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Бураев 1987 — Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.
- Бураев 1988а — Бураев И. Д. Основные этапы исследования бурятских диалектов и их классификация // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья / редкол.: Л. Д. Шагдаров (отв. ред.), В. И. Рассадин, Э. Д. Эрдынеева. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1988. С. 3–26.
- Бураев 1988б — Бураев И. Д. Результаты контактирования языков алтайской общности в циркумбайкальском регионе // Вопросы языкознания. 1988. № 4. С. 123–128.
- Бураев, Шагдаров 2004 — Бураев И. Д., Шагдаров Л. Д. [Глава 7] Бурятский язык и его диалекты // Буряты / отв. ред.: Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. С. 227–250.

- Лигети 1955 — *Лигети Л.* [Рец. на] Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: АН СССР, 1953. 240 стр. (Ин-т востоковедения АН СССР) // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 133–140.
- Михайлов 1955 — *Михайлов Г. И.* [Рец. на] Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Том I. Издательство Академии Наук СССР, М., 1953 г. стр. 240. // Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. 1955. Вып. 12. Языкознание. С. 95–106.
- Окладников 1937 — *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: ОГИЗ, 1937. 427 с.
- Окладников 1958 — *Окладников А. П.* Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов: сб. ст. памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова / ред. кол.: Г. Д. Санжеев (отв. ред.) и др. М.: Вост. лит., 1958. С. 200–213.
- Рассадин 1973 — *Рассадин В. И.* Бурятизмы в якутском языке // О. Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов»: мат-лы конф., посвящ. 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бётлингка «О языке якутов» / отв. ред.: Е. И. Коркина, Н. Е. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1973. С. 167–179.
- Рассадин 1980 — *Рассадин В. И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.
- Рассадин 1982 — *Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: АН СССР, 1953. 240 с.
- Санжеев 1957 — *Санжеев Г. Д.* Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики // *Rocznik orientalistyczny*. 1957. Т. XXI. С. 373–384.
- Санжеев 1963 — *Санжеев Г. Д.* [Рец. на] *St. Kałużyński*. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1961. 171 с. // Вопросы языкознания. 1963. № 2. С. 141–144.
- СДИБ 1960 — Сборник документов по истории Бурятии XVII в. Вып. 1 (1609–1700) / сост. Г. Н. Румянцев, С. Г. Окунь. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 493 с.
- Цыдендамбаев 1972 — *Цыдендамбаев Ц. Б.* Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.
- Clark 1979 — *Clark L. V.* A Problem in Buryat Historical Linguistics // *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies* / ed. by H. G. Schwarz. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. Pp. 14–25. (Studies on East Asia. Vol. 13).
- Doerfer 1955 — *Doerfer G.* [Rev.] G. D. Sanžeev, *Sravnitel'naja grammatika mongol'skich jazykov*, Tom I (Akademija Nauk SSSR, Institut Vostokovedenija). Moskva, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953 // *Central Asiatic Journal*. 1955. Vol. I. No. 1. Pp. 79–80.
- Doerfer 1965–1966 — *Doerfer G.* [Rez.] *Handbuch der Orientalistik*. Hrsg. von B. Spuler unter Mitarbeit von H. Franke, J. Gonda, H. Hammitzsch, H. Kees, J. E. Van Lohuizen-De Leeuw und F. Vos. Erste Abteilung: Der Nahe und der Mittlere Osten. Hrsg. von B. Spuler. Fünfter Band: Altaistik. Zweiter Abschnitt: Mongolistik. Leiden-Köln: Brill, 1964. vii, 296 S. // *Oriens*. 1965–1966. Vol. 18–19. S. 431–436.
- Doerfer 1963a — *Doerfer G.* [Rez.] Kałużyński, Stanislaw: *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1961. 170 S. gr. 8° = Zakład Orientalistyki Polskiej Akademii Nauk, *Prace Orientalistyczne*, tom X. z1 72 // *Orientalistische Literaturzeitung*. 1963. Bd. 58. Nr. 9/10. S. 504–507.
- Doerfer 1963b — *Doerfer G.* [Rez.] *Les matériaux pour l'étude du chamanisme mongol*. II. Textes chamanistes bouriates recueillis par Rinchen (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens,

- herausgegeben von Walther Heissig unter Mitwirkung von Herbert Franke, Nikolaus Poppe, Omeljan Pritsak, Band 8). Wiesbaden: Harrassowitz, 1961. VIII, 156 S. 8° // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1963. Bd. 113. Hf. 2. S. 429–430.
- Kara 1972 — *Kara Gy*. Le Glossaire Yakoute de Witsen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. XXV. Fasc. 1–3. LVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS. Pp. 431–439.
- Kałużyński 1961 — *Kałużyński S.* Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 S. (Prace Orientalistyczne. X)
- Ligeti 1963 — *Ligeti L.* [Rev.] Kałużyński, Stanisław. *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*. 170 pages (Zakład Orientalistyki Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 1961) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1963. T. XVI. Fasc. 3. P. 325–329.
- Poppe 1954 — *Poppe N. N.* [Rev.] Профессор доктор филологических наук Г. Д. Санжеев, Монгольские языки и диалекты, Введение, Ученые записки Института Востоковедения, Том IV, Лингвистический Сборник, Москва, 1952 [Professor G. D. Sanžeev, Ph. D., “The Mongolian Languages and Dialects, Introduction,” Learned Memoires of the Institute of Oriental Studies, Vol. IV, A Linguistic Collection, Moscow, 1952, pp. 30–125 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1954. Vol. XVII. Iss. 1–2. Pp. 295–304.
- Poppe 1955 — *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1955. 300 p. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, No. 110).
- Stachowski 2005 — *Stachowski M.* Chronology of Some Yakut Phonetic Changes in the Context of 18th century Mongolian Loanwords into Yakut // *Rocznik Orientalistyczny*. 2005. T. 58. No 1. Opera altaistica Professori Stanisłao Kałużyński octogenario dicata / [The Honorary Committee: S. Godziński, J. Tulisow, A. Bareja-Starzyńska, J. Rogala; ed. by A. Bareja-Starzyńska, J. Tulisow, with assist. of J. Rogala]. Pp. 194–203.

References

- Budaev Ts. B. Buryat Dialectal Lexemes: A Comparative Historical Perspective. Novosibirsk: Nauka, 1978. 302 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. Buryat Dialects: A Diachronic Study. Novosibirsk: Nauka, 1992. 217 p. (In Russ.)
- Buraev I. D. Altaic languages in Baikal: Results of language contacts. *Voprosy Jazykoznanija*. 1988. No. 4. Pp. 123–128.
- Buraev I. D. Exploring Buryat dialects and their classification: Key stages. In: Shagdarov L. D., Rassadin V. I., Erdynееva E. D. (eds.) *Dialects of Cisbaikalia: Development and Interaction*. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Sib. Branch, Buryat Institute), 1988. Pp. 3–26. (In Russ.)
- Buraev I. D. The Shaping of Buryat Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1987. 185 p. (In Russ.)
- Buraev I. D., Shagdarov L. D. [Chapter 7] Buryat language and its dialects. In: Abaeva L. L., Zhukovskaya N. L. (eds.) *Buryats*. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 227–250. (In Russ.)
- Clark L. V. A problem in Buryat historical linguistics. In: Schwarz H. G. (ed.) *Studies on Mongolia: Proceedings of the First North American Conference on Mongolian Studies*. Bellingham: Center for East Asian Studies, Western Washington University, 1979. Pp. 14–25. (In Eng.)
- Doerfer G. [Rev.] G. D. Sanžeev, *Sravnitel'naja grammatika mongol'skich jazykov*, Tom I (Akademija Nauk SSSR, Institut Vostokovedenija). Moskva, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953. *Central Asiatic Journal*. 1955. Vol. I. No. 1. Pp. 79–80. (In Germ.)
- Doerfer G. [Rev.] *Handbuch der Orientalistik*. Hrsg. von B. Spuler unter Mitarbeit von H. Franke, J. Gonda, H. Hammitzsch, H. Kees, J. E. Van Lohuizen-De Leeuw und F. Vos. Erste Abteilung: Der Nahe und der Mittlere Osten. Hrsg. von B. Spuler. Fünfter Band: Altaistik. Zweiter Abschnitt: Mongolistik. Leiden-Köln: Brill, 1964. VII, 296 S. *Oriens*. 1965–1966. Vol. 18–19. Pp. 431–436. (In Germ.)
- Doerfer G. [Rev.] Kałużyński, Stanisław. *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1961. 170 S. *Orientalistische Literaturzeitung*. 1963. Vol. 58. No. 9/10. Pp. 504–507. (In Germ.)

- Doerfer G. [Rev.] Les matériaux pour l'étude du chamanisme mongol. II. Textes chamanistes bouriates recueillis par Rinchen (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens, herausgegeben von Walther Heissig unter Mitwirkung von Herbert Franke, Nikolaus Poppe, Omeljan Pritsak, Band 8). Wiesbaden: Harrassowitz, 1961. VIII, 156 S. 80. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1963. Vol. 113. Pt. 2. Pp. 429–430. (In Germ.)
- Kałużyński S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 170 p. (In Germ.)
- Kara Gy. Le Glossaire Yakoute de Witsen. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. Vol. XXV. No. 1–3. Pp. 431–439. (In Fr.)
- Ligeti L. [Rev.] Kałużyński, Stanisław. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. 170 s. (Zakład Orientalistyki Polskiej Akademii Nauk. Warszawa, 1961). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1963. Vol. XVI. No. 3. Pp. 325–329. (In Fr.)
- Ligeti L. [Rev.] Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Vol. 1. 240 p. *Voprosy Jazykoznanija*. 1955. No. 5. Pp. 133–140. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. [Rev.] Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Vol. 1. 240 p. *Kratkie soobshcheniya Instituta vostokovedeniya AN SSSR*. 1955. Vol. 12: Linguistics. Pp. 95–106. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. The arrival of Mongols in Cisbaikalia: Archaeological evidence. In: Sanzheev G. D. et al. (eds.) *Philology and History of Mongols. In memoriam Acad. Boris Y. Vladimirtsov*. Moscow: Oriental Literature Press, 1958. Pp. 200–213. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Western Buryat Mongols, 17th–18th Centuries: Historical Essays. Leningrad: OGIZ, 1937. 427 p. (In Russ.)
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955. 300 p. (In Eng.)
- Poppe N. N. [Rev.] Professor G. D. Sanžeev, Ph. D., “The Mongolian Languages and Dialects, Introduction,” *Learned Memoires of the Institute of Oriental Studies*, Vol. IV, A Linguistic Collection, Moscow, 1952, pp. 30–125. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1954. Vol. XVII. No. 1–2. Pp. 295–304. (In Eng.)
- Rassadin V. I. Buryatisms in the Yakut language. In: Korkina E. I., Petrov N. E. (eds.) *O. N. Böhtlingk and His Work Titled ‘About the Yakut Language’*. Jubilee conference proceedings. Yakutsk: USSR Academy of Sciences (Sib. Branch, Yakutsk Institute), 1973. Pp. 167–179. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Essays in Buryat Historical Phonetics. Moscow: Nauka, 1982. 199 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Mongolian and Buryat Loanwords in Turkic Languages of Siberia. Moscow: Nauka, 1980. 115 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N., Okun S. G. (comps.) Seventeenth-Century Buryatia: Collected Historical Documents. Vol. 1: 1609–1700. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1960. 493 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. [Rev.] St. Kałużyński. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1961. 171 p. *Voprosy Jazykoznanija*. 1963. No. 2. Pp. 141–144. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. Vol. 1. 240 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Some issues of comparative historical Mongolian studies. *Rocznik Orientalistyczny*. 1957. Vol. XXI. Pp. 373–384. (In Russ.)
- Stachowski M. Chronology of some Yakut phonetic changes in the context of 18th century Mongolian loanwords into Yakut. *Rocznik Orientalistyczny*. 2005. Vol. 58. No 1. Pp. 194–203. (In Eng.)
- Tsydendambaev Ts. B. Buryat Historical Chronicles and Genealogies: A Historical and Linguistic Study. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1972. 664 p. (In Russ.)